

свадебной обрядностью оседлого населения городов и памирских народов (МАЭ. Колл. 2674–183 аб; 2674–177).

Дальнейшее изучение музейных коллекций конца XIX — начала XX в. по исламской народной культуре кочевого и городского населения Средней Азии и Казахстана поможет ввести в научный оборот новый ценный источник историко-этнографической информации.

Библиография

Басилов В.Н. Традиции женского шаманства у казахов // Полевые исследования Института этнографии. 1974. М., 1975.

Басилов В.Н., Кармышева Дж.Х. Ислам у казахов. М. 1997.

Каззулов Б.А., Шаханова Н.Ж. Традиционный инструмент казахов кылкобыз // Сб. МАЭ. Л., 1989. Т. XLIII.

Рассудова Р.Я. К истории одежды среднеазиатского духовенства // Сб. МАЭ. Л., 1989. Т. XLIII.

Р.Р. Рахимов

СВЯТЫЕ В ПЕЩЕРЕ УСТАНОВИЛИ ОБИТЕЛЬ

У таджиков существуют многочисленные мифы и предания, повествующие о мусульманских святых (*хазрат*, *ходжа*), обителями которых служат гроты или пещеры часто в труднодоступных или вовсе не доступных горных скалах. Представленное сообщение преследует цель в сжатом изложении охарактеризовать мифологию небольшой группы пещер, являющихся ритуальными объектами в религиозной практике современных таджиков. Что касается поисков «ключа», т.е. попытки понимания смысла «выбора» святителями этих природных объектов для пребывания, то рассмотрение этого вопроса вследствие его сложности — задача будущих исследований. Привлекаются в основном полевые материалы автора. Оговорим и то, что на этом этапе нас интересуют не гроты и пещеры вообще как элементы ландшафта, а те из них, которые воспринимаются как обиталища реальных или мифических подвижников ислама, олицетворяющих собой покровителей истоков вод. В этом смысле анализируемый сюжет тяготеет к религиозно-экологическому рассмотрению.

Один из подобных культовых объектов связан с известной далеко за пределами Таджикистана усыпальницей *хазрата* Бурха на берегу Оби Мазор — одного из двух, наряду с Арзингом, притоков Хингоу. Слияние рек Хингоу (с многочисленными ее притоками) и Сурхоб образуют Вахш, которая, в свою очередь сливаясь с рекою Пяндж, дает начало одной из главных водных артерий Центральной Азии — Амударье, несущей воды Припамирья в Аральское море. Интерес к легенде о месте упокоения Бурха вызван тем, что ассоциирующаяся с ним пещера являет собой не реально существующий объект, а мифический. Я уже писал об этом *ривоياته*-предании [Рахимов 2008: 67–68]. Там речь идет о том, что миф о пещере, ставшей обиталищем хазрата Бурха, становится и местом для сооружения его мавзолея в хаосе камней в горах Припамирья.

Число мифов и сказаний, подобных приведенным, и связанных с ними культовых объектов в горных районах Центральной Азии довольно велико. Одна из таких святынь представляет собой два реально существующих *камара*, т.е. грота, в светло-серой мраморной скале, которые находятся в той же долине Хингоу на пути из Душанбе к святыне Бурха в 70 км от нее (кишлак Лангари Боло). Эти гроты легенда связывает с именем ходжи Алоу-ау-Дина, ставшего эпонимом ритуального объекта. По рассказам, значение слова *камар* связано с *кароматом* — способностью совершения деяний, которые превосходят человеческую силу. Такие способности кажутся совершенно невероятными обыкновенным людям. *Каромат* позволяет невозможному становиться возможным, нереальному — реальным. По поверьям таджиков, подобные сверхъестественные созидательные силы даруется Богом истинно праведному человеку во имя преобразования природы.

Возвратимся к мифу. Согласно ему, преследуемый неверными ходжа в поисках убежища забирается в это недоступное обычному человеку место (в настоящее время к нему проложена тропинка) ко времени полуденной молитвы. Обращая взоры к небу, он просит коранического Бога дать воды для ритуального очищения перед молитвой и место для совершения молитвы. Волею Бога тут же из сердца скалы начала струиться вода, которая и стала истоком современной речки, обеспечивающей местных жителей, а рядом в скале появился грот для совершения ходжой молитвы. Помолвившись, он воздел руки к небу, прося Предвечного об укрытии. Милостью Бога рядом появляется второй грот. Он становится обителью святого при жизни и местом его упокоения после смерти. Могильный холмик из камней как бы напоминает об извечном хозяине струйки живительной влаги, которая сочится из мраморной скалы, служа началом впадающей в бурный поток Хингоу прозрачной речки, монотонный шум которой являет собой постоянное напоминание жителям горного селения о своем присутствии (и предназначении) одухотворять Хингоу. Вода из родника при мазаре в стороне от дороги к мавзолею Бурха считается святой. Местные подростки ее приносят в баклажках и продают паломникам, следующим к названной усыпальнице.

Выходит, ритуальный магнетизм пещеры как природного объекта не только в ее таинственности, но и в том, что там, в лоне земли, рождается вода — первопричина оплодотворяющих и рождающих потоков. Об одной из них в горах в 35–40 км к югу от города Куляба, являющейся местом паломничества и поклонения, я уже писал [Там же: 96–112]. Объекты почитания в этой глубокой пещере — могила (предположительно, без мошей) одиннадцатого шиитского имама Хасана Аскари и струйка воды, которая падает в лунку вблизи могилы с потолка пещеры под прямым углом. Существует ритуал питья паломниками священной воды, которые, к тому же, набирают ее домой, как говорят, «по глоточку» для членов семьи и соседей.

Выше говорилось, что *гор*, в котором якобы сидел замурованным мусульманский святой Бурх для намеренного созерцания, представляет собой не исторически зафиксированный, а мифический объект. Аналогия подобных представлений прослеживается в рассказах об одном из объектов при усыпальнице Ходжи Абд-ул-Лло Ансори (Сурхи), которая как святыня известна также под названием *Калачаи Мазор* («Почитаемое укрепление»). Она расположена в пригороде Исфары (север Республики Таджикистан). «Почитаемое укрепление» —

довольно сложный комплекс, к которому я рассчитываю вернуться для самостоятельного рассмотрения. На этих страницах отмечу лишь, что, по преданию, один из праведных братьев святого — Ходжа Гайб — забрался на вершину красноземного холма и скрылся за ним неведомо куда (отсюда и буквальное значение его имени как *Ходжа Гайб* — «Скрытый святой»). По другой версии, Ходжа Гайб скрылся в пещере, вход в которую волею Бога был затем замурован. Местные жители рассказывали, что археологи не сомневаются в существовании входа в пещеру и предпринимают попытки раскопать его, но духовенство не соглашается.

Как неизменный спутник мистической пещеры обращает на себя внимание целебная *чашма* («родник») у подножья холма-краснозема. Существует поверье, что исток этого родника находится в *горе*, где и сейчас пребывает святой. Отсюда и убеждение, что *чашма*, живительная влага которой используется верующими для исцеления кожных болезней и избавления женщин от бесплодия, является результатом актуализации Ходжи Гайбом функции ее хозяина.

Представления жителей Исфары о Ходже Гайбе как о скрытом духе благословенного родника созвучны с убеждениями жителей кишлака Артуч в долине Киштуд-дарьи на Зеравшане с той разницей, что рассказы, услышанные мной в этом горном кишлаке, изобилуют более красочными эпизодами. Персонажи их повествований — трое чудотворцев. Это два брата и сестра. Братьев величают Худжа Шайхона и Худжа Антар, а сестру — Зулайхо. Им даровано было мистическое знание, благодаря которому они совершали невообразимые чудеса деяний (*каромат*). Стоило, например, одному или другому воткнуть палец в землю, как тут же из-под земли появлялась вода. Чудотворцы обладали способностью проникать не только в землю, но и в горную скалу, пробивая в ней брешь. Был якобы когда-то в отдаленные времена такой случай: чудотворцы условились, что все трое одновременно проникнут в горную вершину (ту, которая почти дугообразно окаймляет Артуч), в разных местах, а выйдут с противоположной ее стороны в одном месте близ кишлака Ревад. Они так и сделали. Высоко в недоступной горной вершине образовались четыре пещеры в скалах — три со стороны Артуца и одна со стороны Ревада, там, где святые братья и сестра вышли из горной скалы в одном месте. Происходит следующее чудо: из щелей пещер бурлящим потоком начинает вытекать благословенная вода в два противоположных направления — северо-восточное и юго-западное. Первый (северо-восточный) пещерный ручей наполняет озеро Сароб (букв. «Головная вода»), являющееся истоком одноименной с кишлаком Ревад речки, которая служит небольшим боковым притоком Зеравшана. Остальные три (юго-западные) несут свои воды к Артучу, где, сливаясь с другой речкой со стороны Кули Калон, образуют единый поток, питая, таким образом, Киштуд-дарью — второй, более крупный рукав реки Зеравшан. Горные скалы, в которые проникали чудотворцы и пещеры со стороны Артуца, являющиеся результатом их святого деяния, называются именами святых — ходжа Шайхона, ходжа Антар и, между ними, Биби Зулайхо. Интересно, что пещерные воды, стекая вниз по крутым горным склонам, на некотором расстоянии от места своего происхождения (пещер) уходят под землю и вновь появляются на поверхности земли, последовательно присоединяясь одна к другой уже вблизи селения.

Подобные рассказы о пещерах и персонажах, с ними связанных, существуют в самых разных, подчас весьма отдаленных друг от друга местах. Благодаря этому повествование становится еще более живым, а герой еще более объемным. В этом убеждает мифология эпонима одинокой святыни у истоков Варзоб-дарьи (южная сторона Гиссарского хребта), в основных своих чертах довольно близко напоминающая рассказы жителей Артуча о «своих» чудотворцах. Речь идет о мазаре Ходжи Санг-Хока (кажется, слово *хок* у ягнобцев, с которыми, по происхождению, связаны жители верховьев Варзоб-дарьи, например, кишлака Кук-теппа, означает «источник», «родник»; значит, название *Ходжа Санг-Хок* можно перевести как «святая скала, которая источает родник»).

Центральный объект культа — могила ходжи под открытым небом с каменным ограждением на склоне горы. По соседству находится источник, по вкусу — нарзан. Чабаны из равнинных районов Гиссарской долины, которые якобы из года в год пасут в окрестности мазара отару овец, волею случая стали единственными нашими собеседниками (исключая женщину, которая устраивала жертвенный *хотталоиш* — раздачу мяса жертвенного барана). Они рассказали, что родник берет свое начало в пещере к северу от мазара. Выяснилось, что она почти на одном уровне с Анзобским перевалом, высота которого ок. 3700 м над уровнем моря. Ручей, который вытекает из *гора*, стремительно бежит вниз по крутому склону, а затем, как, например, в Артуче, на некотором расстоянии от пещеры уходит под землю. Она выходит на поверхность земли далеко внизу, формируя там родник».

По сообщению чабанов (это уже вторая версия рассказа), Ходжа Санг-Хок живет наверху, в недоступной пещере (или гроте), уже много-много веков. Его преследовали неверные. Он спасся, найдя убежище в недоступной для преследователей пещере, которая служит ему обителью и поныне. Надо сказать, что пещера (грот) является своеобразным водоразделом, в том смысле, что, находясь практически на гребне горы, она дает одновременно начало двум рекам: Варзоб-дарье на южной стороне и Фан-дарье — на противоположной северной. Первая является, наряду с Каферниганом, притоком Вахша на юге Таджикистана, вторая — притоком Зеравшана на севере республики. Это напоминает рассказ о водоразделе между селениями Артуч и Ревад, речки которых в разных местах питают Зеравшан.

Замечательным примером представлений таджиков о пещере как обиталище того или другого праведника является предание, повествующее о Ходже/Хазрате Султане (по другой версии — Ходжи Давуде или Шах Давуде; Давуд соответствует библейскому Давиду), чей мазар находится в фарабско-шахриябской части Фанских гор. Это достаточно сложный сюжет. Здесь отмечу лишь то, что, согласно риваятам местного населения, хазрата/ходжу преследовали противники шиитской партии 'Али б. Аби Талиба — четвертого праведного халифа и зятя Пророка Мухаммада. Уходя от долгих преследований, грозивших ему смертью, он нашел убежище, сначала в *тахтгохе* (под этим названием, буквальное значение которого «место трона», подразумевается вершина конусообразной горы, куда забрался Хазрат Султан), а затем в пещере в невидимой части «конуса». Я прихожу к выводу, что она находится на северо-восточной стороне *тахтгоха* и доступна разве что птицам. По преданию, был все же один смелый человек, прославившийся затем как праведник, который с

помощью сложных приспособлений спустился с *тахтгоха* к входу в пещеру и проник внутрь ее. За это он был прозван *‘Аджуз Паранда* (букв. «Аджуз Крылатый»). Выходя из пещеры и спускаясь на землю, Аджуз Паранда якобы показал однообщинникам три яблока, три груши (по другой версии, — три граната) и три грозди винограда, которые он вынес из нее. При этом он рассказывал об увиденных в *горе* райских садах и прозрачных родниках, наполняющих звенящие ручьи и речки, несущие свои воды во все уголки пещеры. *Гор* утопает в зелени и благоухает цветами. В центре пещеры — огромное дерево. Четыре его ветви обращены к четырем сторонам света. На одной из них висит голова убиенного имама Хусейна — сына Али б. Аби Талиба. Он был мученически убит сторонниками халифа Йазиды — враждебного алидам, т.е. партии его отца. Голова завернута в белую материю, из которой сочится кровь. Могила Аджуз Паранда, ставшего объектом паломничества и поклонения, находится на юго-восточной окраине кишлака Магиан (долина одноименной реки).

По преданию, когда имам Хусейн был убит, злодеи отделили его голову от тела и целую неделю забавлялись, пиная ее ногами, как при игре в футбол. Ходжа Султан глубоко переживал, видя, как безумцы издеваются над головой его племянника. В порыве гнева и беспредельного возмущения он отрезал голову собственного сына и, улучив момент, подбросил ее к ногам обезумевших сторонников Йазиды, забрав, таким образом, голову племянника-имама. С ней в сопровождении группы воинов святитель обращается в бегство на восток. Противник преследует его до Фанских гор. Милостью Бога здесь он находит пещеру, которая и становится его спасением.

Пока остается не уточненным, связана ли пещерная обитель Хазрата Султана с вытекающей наружу водой. Зато рассказы о райских садах и множестве родников, которые якобы наполняют ручьи и речки, отчетливо подтверждают устойчивость подобных представлений в сознании местного населения.

О почитаемых пещерах-гротах как природных объектах, являющихся обителями мусульманских святых и служащих концентрированными истоками вод в Центральной Азии, можно говорить долго. Известен, например, святой заповедник, именуемый *Шахмардан* (букв. «Князь мужей») на юге Ферганской долины на высоте 1540–1570 м, связанный с именем Али б. Аби Талиба [Абашин 1999: 109–110]. Основной мотив рассказов — горная скала, у подножья которой протекает бурная река Оксу. Внизу этой скалы находится узкий вход в пещеру. По словам местных жителей, обычно туда никто не ходит, не только потому, что она труднодоступна, но из опасения вызвать негодование якобы обитающих там *«чильтанов* — (сорока. — *Р.Р.*) мифических существ, которые в данном случае рисуются в женском обличи» [Горшунова 2007: 89]. В другом месте О.В. Горшунова пишет о святом объекте Хур-кыз в горах в Ферганской области [Горшунова 2001: 227]. Она не упоминает о пещере, но подчеркивает, что в окрестностях святыни «находятся несколько водных источников — два озера, две реки, несколько родников и ручей, которые также считаются святынями и объединены центральным образом покровительницы женщин (Хур-кыз)» [Там же].

В Центральной Азии мазары, эпонимы которых — женские персонажи мифологии, нередки. Можно сослаться на священную гору, называемую *кухи Аё-лони Пок* («гора Праведных Женщин»), она находится относительно недалеко от культового объекта Хазрата Султана в Фанских горах. Она связана с культом

святых жены самого святого и жен его сторонников, спасшихся от преследования воинов Йазиды, забравшись на вершину очень труднодоступной горы. С северо-восточной и юго-западной сторон горы Праведных Женщин мелкими ручьями стекает вода. Сливаясь к востоку от Горы, они образуют речку, впадающую в Магиан-дарью.

Другая подобная святыня находится на территории Муминабадского района (юг Республики Таджикистана). Она названа именами двух праведных сестер — Биби Савро и Биби Навро. Гробница сестер (современная постройка) находится на краю едва выступающей на поверхности земли небольшой высотки. Внизу родник, его современное каменное ограждение выполнено в форме довольно большого круга на цементном растворе. В двух местах вода бьется ключом под прямым углом, периодически выбрасывая мелкий сероватый песок, масса которого сначала плавно расплзается по небольшому участку dna прозрачной воды, а затем растворяется, не оставляя следов. Что интересно, иногда вместе с песком из-под земли выбрасываются величиной с горошек правильной шарообразной формы 2–3 образования, напоминающих перламутр, которые, не достигая поверхности воды, тут же исчезают из виду вместе с песком. Существует примета: кто увидит «перламутр», тот достигнет своей цели. Конечно, это привлекает посетителей, среди которых в основном женщины, по дням *чоршанбе* («среда»). Цели, которые они преследуют, — избавление от болезней, в частности кожных, и бесплодия. Считается, что для достижения этих целей желательнее совершить три паломничества к мазару.

Складывается впечатление, что у таджиков пещеры, святые и родники связаны теснейшими узлами. Об укорененности убеждений, согласно которым «пещера — святой — источник (живительной влаги)» представляют концентрированное выражение «объективной» реальности, свидетельствует тот факт, что, когда есть святитель и родник, но нет пещеры, ее создают. Примером тому может служить искусственного, по нашему предположению, происхождения пещера у основания откоса холма рядом с усыпальницей мифического святого Дониёра/Данияра (библ. Даниэль, Даниил) у северной стены городища Афрасиаб в Самарканде. Она служила (видимо, и продолжает служить) местом сорочадневного ритуального созерцания (*чилла*). Что касается гробницы святого, она у края обрыва, спускающегося к речке Оби Рахмат. Рядом с речкой (перпендикулярно к ней) под сводами небольшого современного купольного строения родниковая вода, которая течет сверху, по поверьям, «из головы» мифического Данияра и сливается с речкой.

В городах и других равнинных районах таджикской оседлости функция скальных гротов и пещер переносится на колодцы. Многочисленные примеры подобного отношения можно привести из реалий исторически таджикских родов — Бухары и Самарканда.

Как видно, поверья и представления о пещерах и гротах как ритуально оформленных природных объектах в древних оседло-земледельческих районах Центральной Азии представляют собой замечательный пример проявления мифологического сознания населения. Главное состоит в том, что в большинстве случаев эти объекты ассоциируются с обителями мусульманских святых (мужских или женских), объективная обязанность которых — выполнение роли хозяев/хозяек мест рождения вод, формирующих истоки рек. Осмысление этого

замечательного явления в религиозно-мировоззренческих представлениях автотонного оседло-земледельческого населения региона в центре Евразии — задача последующих исследований.

Библиография

Абашин С.А. Шахимардан // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. М., 1999. Вып. 2. С. 109–111.

Горишнова О.В. Идея двух начал в культе плодородия у народов Средней Азии// Среднеазиатский этнографический сборник. М., 2001. Вып. V. С. 219–231.

Горишнова О.В. Женское божество в системе религиозно-мировоззренческих представлений народов Средней Азии: Дис. ... д.и.н. М., 2007.

Рахимов Р.Р. Мазар мусульманского святого Бурха в аспекте доисламских истоков культа // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб., 2008. С. 67–75.

Рахимов Р.Р. Путь в пещерное погребение (Из полевого дневника 2007) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2008. С. 96–112.

А.Ю. Сипицын

МЕЧ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ДОМА ТОКУГАВА В ЯПОНСКОМ СОБРАНИИ МАЭ РАН

В конце апреля — начале мая 1891 г. Николай Александрович Романов, наследник российского престола, будущий император Николай II, по приглашению императора Японии Мэйдзи Муцухито посетил Японию, где получил множество официальных подарков от элиты японского общества: от самого императора Мэйдзи и членов императорской фамилии, от членов правительства, глав виднейших аристократических домов, известных фабрикантов, ведущих японских художников и мастеров и т.д. Вкупе с предметами, купленными самим Николаем Александровичем на специально устроенных для него ярмарках, эти дары образовали огромную и разнообразную по составу и художественной ценности коллекцию.

В 1893 г. эта коллекция демонстрировалась в Императорском Эрмитаже на «Выставке предметов, привезенных Великим Князем Государем наследником Цесаревичем Николаем Александровичем из путешествия Его Императорского Высочества на Восток в 1890–91 гг.» [Успенский 2004: 143]. После этой выставки ее экспонаты были разделены между музеями Санкт-Петербурга (Азиатский, Военно-морской, Минералогический и др.); но абсолютное большинство предметов получили Эрмитаж и Этнографический музей (МАЭ). По описи № 312 в МАЭ числится 268 предметов, однако это число представляется неадекватным.

Эта коллекция получила широкую известность. Отдельные представленные в ней шедевры — например, хранящийся в Эрмитаже парчовый ковер с изображением ритуальной охоты на собак или куклой-портретом нагасакской куртизанки Моорока О-Мацу из собрания МАЭ (оба — произведения мануфактуры «Кавасима оримоно») — хорошо изучены, многократно опубликованы и участвовали во многих выставках. Однако приходится констатировать, что большая